

Фарид Нагим

Фарит Сагитжанович Нагимов (1970) – прозаик, драматург. Авторский псевдоним – Фарид Нагим. Окончил Литературный институт, ныне доцент кафедры литературного мастерства, руководитель творческого семинара. Лауреат нескольких литературных премий.

Прямая речь: «Удивление от возможности сочинения другой реальности я почувствовал, когда понадобилось составить рассказ по сюжетным картинкам (учебник 6-го класса, упр.448. “Как я однажды помогал маме”). Меня впервые в жизни осенило и на волне вдохновения вынесло далеко за рамки этих картинок, что до слез поразило мою первую учительницу русского языка и литературы Никитину Марию Семёновну и позабавило одноклассников.

В седьмом классе я выиграл районный конкурс сочинений на тему “Хлеб всему голова”. “Взял интервью” у косноязычного и застенчивого богатыря-комбайнёра Равиля Сагидуллина, и на основе его биографии выдумал плаксиво-истеричный рассказ в духе Чингиза Айтматова. За победу полагалась путёвка в Артек, с чем меня все и поспешили поздравить. Мама со страхом ждала журналистов из района и сокрушалась по поводу моего гардероба. Но в Артек поехал сын одного из начальников РОНО. А моя Мария Семёновна купила на свои деньги пару книг, сама надписала и подарила мне как победителю.

Я родился в селе Буранном (не “Буранный полустанок”), Оренбургской области, на границе с Казахстаном. Прямо в нашем дворе сохранился старый пограничный столб, на котором с одной стороны написано Азия, с другой Европа. По этой границе я ходил в Европу, в школу. Когда мы въезжали в Оренбург, пассажиры шутили: “Дышите воздухом Европы”. Незримая граница прошла и по мне. Это болезненно – грань меж добром и злом, меж верой и отчаянием, спокойствием и одержимостью, мужественностью и женственностью.

Я хочу вскрыть и вспороть подноготную простых слов. С недавних пор стал различать и видеть в воздухе швы жизни: странную, нелепую, нехудожественную закономерность земного устройства, человеческих отношений и всего-всего. Я толкнул себя в плечо и проснулся, я – воин добра и света... Я всё же не могу поверить окончательно, что Христа распяли, что “Титаник” утонул, что в России была революция, а Гитлер Адольф так и не стал гениальным художником, обласканным вниманием всего мира – и так далее...»

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ БАБОЧКИ

Наверное, от бесконечных дождей на даче появились странные блеклые бабочки. В них не чувствовалось божественного участия, так,

словно бы оживший мусор. Казалось, отсыревшая атмосфера разрыхлилась, и появились эти охромевшие лохмотья и ошмётки, колеблемые воздушным течением. Забавно видеть их однобокий полет, вовсе на полет не похожий, так - хаотичное отчаяние, вскрики. Они возникали то там, то сям, бултыхались в пространстве, лихорадочно тряслись на одном крыле, и казались надорванным фантиком, обрывком целлофана, взбесившимся лепестком, просто обманом зрения, чем угодно, только не бабочкой.

Безлунная, глухая ночь. Эти существа на дверях. Невзрачные, без одеяний. Прижались к дерматину двери. И весь их свет и тепло, вероятно, – наша лампочка над дверью. Выключаешь, и они невидимо исчезают в дождливой ночи. Опираются на костыли крыльев и ковыляют впотьмах в поисках другого света – над дверью или без неё. Кто впустил сюда этих бомжей, кто откроет дверь и куда? Правда, бессмысленное тряпье, нечаянно попавшее в проекцию жизни.

Сидел один и вдруг вспомнил, что ещё днём хотел проверить кран в подсобке. Ночь за окнами, как пропасть. И окно и открытая форточка кажутся накренившимися. Кран на батарее нужно было менять – половица под ним уже вздулась и потемнела. Я хотел подняться и вдруг заметил вздрогнувшую карандашную стружку в углу – это была одна из тех бабочек. Она затрепетала, будто почувствовав мой взгляд. Наверное, зацепилась своей бахромой за шероховатость доски, но нет же… И я замер, заворожённый невероятным действом, – бабочка, будто распинаемая на кресте, распускала во всю длину крылышки. Из под блеклого сатина перламутрово переливался ультрамарин, опылённый сияющей позолотой. А она мелко дрожала и все распластывала крылья, тянула их с кошачьей негой и вздрагивала. Веер крыльев освободил её стройное, вытянувшееся и виброконвульсивно бьющееся тельце. Она припала, прижалась плечами к дощечке почти эротически и так трогательно, а потом содрогнулась и замерла. Наверное, затаилась, притворившись мёртвой, как это делают некоторые жучки. Нет. Движений жизни больше не было. И в это мгновение мне показалось, я услышал предсмертный вздох этого маленького существа. Через какое-то время крылышки её медленно, почти незаметно взгляду сложились и будто усохли – таяла, исчезала мимолётная красота, меркла синь, гасли искорки позолоты – теперь это был настоящий мусор, мёртвый кулёк. Ночью в мрачной подсобке я стал свидетелем последних секунд жизни бабочки, её одинокого прощания. Но сколько величия в столь малом создании, сколько серьёзности и будто бы срежиссированной помпезности театральной. В последнюю секунду перед смертью она явила всё своё великолепие, поделённую на всех красоту, в которой радость и надежда… А зрителей и не предполагалось.

КАК ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

Осень. Стоишь ночью и окна и вдруг слышишь, как одиноко, украдкой пробирается сквозь ветви лист. Потом при свете утра видишь, как один из всего леса прекрасный срывается с ветви листок, ниспадает с прощальным шорохом, и всеми это воспринимается как утрата, трагедия, предвестие бед… А далее уже целой эпохой со всех сторон, столько, что и деревьев не видно за ними. Не листопад – исход.

Одни медленно и красиво, словно бы наслаждаясь падением. Другие неуверенно, с оглядкой, будто не веря что – всё... что невозможно вернуться. Порывисто, злобно, истерично третьи, мол, не задалась жизнь, так пропади все пропадом! Они мечутся из стороны в стороны, закрыв руками лицо или обхватив голову… Крупные, как лебеди, летят уверенно, наверняка зная цель. И некоторые из них - красуясь собой, покачивая краями, щеголевато подставляя их солнечным лучам, роскошно вспыхивая, играя зайчиками, словно уверенные, что они не долетят до земли, как остальные, но в самый последний момент произойдёт что-то необыкновенно чудесное, не может быть, чтобы не произошло. Другие набегают валом, дружной гурьбой. Некоторые – парой. По-разному: танцуя вальс; легко и неслышно, как солнечные отсветы; грустно, как беженцы, с усмешкой полной отчаяния. Вот крупный лист твёрдо и сурово прорывается сквозь ветви, будто помолился, исполняя долг, – отцы наши так шли и мы пойдём. А в этой непреклонности надежда, мол, нет, не все у нас кончено, у нас все будет правильно и лучше чем у других, продолжение будет … и вдруг зависает на развилке ветвей, мучается безысходно дергаемый ветрами. Стайка листьев наоборот вспорхнула бездумно и опрометчиво: «А-а-а». А вот ещё есть некоторые, что сорвались и застыли, поразившись тому, что не вверх они летят – все лето готовились в небо – а вниз их тянет, в этом ужас неожиданности и конца.

В абсолютной тишине с истерически смеющимся вывертом падает лист.

Но все, все летят так причудливо, словно бы у них особые невидимые нами коридоры в воздухе, свой путь и предназначение.

СНЕГ

Снег лёг на ветви деревьев, и увивает их так нежно, плавно, изогнуто и протяженно, что сомневаешься, что это собрано из мельчайших частичек – как они держатся, – кажется, что это шёлковые нити или кашемировая ткань.

Как макияж и новая одежда вдруг открывают что-то новое в девушке, так и снег с деревом, только делает это более изощрённо, потому что это устраивает бог.

Снег заново воссоздаёт перед нами дерево и с предельной откровенностью выстраивает всю его сложнейшую архитектуру. Давно знакомое дерево привлекает и удивляет взгляд. Снег легко и причудливо обвивает ветви, как бы оттеняя перед серостью мира, подчёркивая их дивную экспрессию. Заново обращает наше внимание на танцевальную разбросанность ветвей. Ты видишь каждую веточку отдельно, все её

удивительные, разнообразные и длинные извивы. Кажется, что дерево яростно двигалось, а снег сфотографировал это движение и резко остановил, и мгновенная обездвиженность чувствуется, томит, будто вот-вот и дерево встрепенётся и замрёт в другой позе и будет ещё ярче видно всё – до самого последнего суставчика и самой скрытной косточки.

© Ф.С. Нагимов.
Фото со страницы Фарида Нагима в Фейсбуке.